

МИШЕЛЬ
МАРКОС

Огровательная
путевка

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)
М26

Серия «Очарование» основана в 1994 году

Michelle Marcos

WHEN A LADY MISBEHAVES

Перевод с английского *И. Г. Ирской*

Компьютерный дизайн *Э. Э. Кунтыш*

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Маркос, Мишель.

М26 Очаровательная плутовка : роман / Мишель Маркос ; пер. с англ. И. Г. Ирской. — Москва : АСТ, 2015. — 317, [3] с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-087629-7

Юная горничная из дорогого лондонского борделя Эйприл Джардин решает воплотить в жизнь дерзкий план шантажа клиентов. Кто же из высокородных джентльменов захочет, чтоб в свете узнали, где он проводит досуг!

А когда одной из жертв самоуверенной мошенницы становится герцог Уэстбрук — план Эйприл дает трещину. Ведь его сын лорд Блэкхит — окружной судья, и ему ничего не стоит вывести очаровательную плутовку на чистую воду.

Эйприл запутывается не только в сетях собственного обмана, но и в сетях любви. Однако Блэкхит не торопится доверять милой лгунье...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-17-087629-7

© Michelle Marcos, 2007

© Перевод. И.Г. Ирская, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Глава 1

«Я ненавижу это место». С этой мыслью Эйприл просыпалась каждое утро. И сегодня тоже.

Она улизнула из темной без окон судомойни и скрылась в буфетной. Ей наконец удалось выкроить хотя бы пять минут, чтобы почитать странички газеты со светской хроникой. Зажав в руке заранее припасенную свечу, она погрузилась в мир скандалов титулованной знати, представляя, как сама вращается в этих кругах. В самый разгар фантазий она услышала крик, ставший привычным в стенах борделя:

— Эйприл Джардин, иди сюда!

Проклятие! Руки до сих пор щипало и саднило от горячей воды и мыла с карболкой, которыми приходилось оттирать бараний жир со сковородок. А теперь еще какая-та уборка. Сначала Эйприл решила не обращать внимания на приказ от одной из девиц, но вспомнила предостережение мадам.

С мечтами на сегодня покончено!

Засунув «Морнинг пост» в карман фартука, она взяла тряпку, ведро и с тяжелым вздохом стала подниматься по лестнице.

Блевотина. По всему ковру в комнате Гленды. Ее клиент слишком много выпил, и съеденный ужин оказался на полу.

Эйприл стояла в дверях и с отвращением взирала на эту картину.

— Черт подери...

Гленда, приподняв ночную рубашку, осторожно обошла огромную лужу.

— Поторопись, милочка. Он без чувств, но вот-вот придет в себя. Если повезет, я смогу его убедить в том, что он уже меня поймел и поэтому должен заплатить.

Эйприл перевела взгляд со стонущей туши, лежащей ничком на кровати, на отвратительное месиво на полу.

— Он твой клиент. Вот и убирай за ним!

— А ты кто такая? Это твоя работа! Еще одно слово, и я пожалуюсь мадам.

Эйприл ничего не оставалось, как опуститься на колени около помойного ведра.

Гленда поправила студенистую грудь, не помещавшуюся в тесном корсете.

— Ты, Эйприл, дурочка. Не понимаю, зачем ты этим занимаешься. Целыми днями гниешь на кухне, а могла бы этого не делать. На твоем месте я бы поймала мадам на слове. Нам ведь нужно кем-то заменить бедняжку Дейрдре. Почему бы тебе не работать с остальными девочками? Если тебя приукрасить, то вполне сойдешь за хорошенькую. И денег получишь намного больше, чем отчищая горшки и полы.

Эйприл подняла глаза на размалеванное лицо Гленды.

— Большое спасибо. Я уж лучше буду гнуть спину, чем лежать на ней.

Гленда уперлась руками в широкие бедра и расхохоталась:

— Ой, вы только посмотрите на эту воображалу! Герцогиня Помойное Ведро.

— Заткнись! Не смей меня так обзывать! — крикнула Эйприл, и ее зеленые глаза воинственно зажглись.

Гленда корчилась от смеха. Ее выкрашенные хной завитушки подпрыгивали на веснушчатых плечах.

— Да я видела, как ты подражаешь важным птицам, когда на тебя не смотрят. Говоришь и ходишь как благодарная. Ты что, на самом деле думаешь, что станешь прогуливаться с ними в Гайд-парке?

— Отвали! — огрызнулась Эйприл.

— Попомни мои слова, Эйприл Джардин, — сказала Гленда и нагнулась к ней, отчего грудь у нее почти вывалилась из корсета, — только начни забивать башку всякими глупостями о том, чтобы подняться повыше, как эту самую башку тебе и снесут.

С кровати послышался мучительный стон — клиент приходил в сознание.

— Черт! Поторопись, он почти очухался!

Эйприл, скривившись от омерзения, накинула мокрую тряпку на рвотную лужу.

— Вот ты где! — раздался голос с порога.

Дженни Хэр, лучшая подруга Эйприл, сморщила нос, глядя на пол. Она была уже одета для вечера: прозрачная рубашка, стянутая под грудью, и белые чулки с красными подвязками.

— Тебя ищет мадам.

— Ей придется подождать, — заявила Гленда, — сначала Эйприл уберет эту грязь.

Дженни изогнула черную, тщательно выщипанную бровь.

— Тогда поднимись наверх и скажи ей это сама. С какой стати Эйприл должна получать из-за тебя взбучку? Эйприл, пойдика и узнай, чего она хочет, а Гленда пусть сама убирает за своим клиентом.

Эйприл поднялась с колен и с благодарностью улыбнулась Дженни, которая, заговорщицки ей подмигнув, всучила Гленде ведро. За подругами захлопнулась дверь, а Гленда осталась стоять с открытым ртом.

По средам в «Доме наслаждения», как обычно, было шумно. Из неярко освещенной гостиной доносилось резкое треньканье пианино и громкое разноголосое пение попеременно с хриплым смехом. Вскрикну-

ла девушка, когда ее облапал клиент. Он заревел от восторга и, перебросив ее, словно куль, через плечо, с топотом начал взбираться по лестнице, направляясь в свободную комнату. Эйприл прижалась спиной к стене, пропуская их. Потом пошла к кабинету хозяйки и постучалась.

— Войдите.

— Вы посылали за мной, мадам?

Мадам подняла глаза от гроссбуха и сердито взглянула на Эйприл:

— Полчаса назад. Где ты была?

— Простите, мадам. Я не слышала.

— Видно погрузилась в свои глупые фантазии.

— Нет, мадам. Я просто...

— Не важно. Миссис Критчли заболела. Тебе придется завтра днем убраться в комнатах наверху до прихода клиентов.

— Хорошо, мадам.

Старая миссис Критчли редко из-за болезни отпрашивалась с работы, потому что не могла позволить себе лишиться дневного заработка. Эйприл обрадовалась. Ей повезло! Конечно, убрать все спальни — это тяжелый труд, но по крайней мере на целый день она будет избавлена от мытья посуды на душевой кухне.

— Когда закончишь уборку, приберешься у меня в кабинете. Я хочу продать кое-какие книги. Сложишь их в коробки и отнесешь вниз.

Кипы книг, снятые с полок, которые тянулись вдоль стен кабинета мадам, громоздились по углам. Эйприл удивилась. Почему мадам продает свои столь ценимые ею книги? Но спросить она не осмелилась. Наверное, это имеет отношение к тому, с каким озабоченным видом мадам смотрит на нее поверх гроссбуха.

— Сядь, Эйприл, — со вздохом сказала мадам и откинулась на спинку кресла.

Эйприл присела на краешек указанного ей стула и стала ждать, пока хозяйка прикурит сигарету.

Мадам Вивьенн Деверо была требовательной и резкой, но при этом весьма красивой женщиной. Высокие скулы, характерный для француженок большой рот и бледная кожа. Несмотря на морщинки вокруг глаз и рта, она до сих пор сохранила привлекательность. Белокурые волосы поседели, но взгляд холодных голубых глаз по-прежнему был как у юной девушки. Эйприл всегда восхищалась тем, какой у мадам гордый вид. Годы, проведенные среди аристократов, не прошли даром и оставили свой след. Мадам в молодости была знаменитой куртизанкой и сейчас все еще выглядела и держалась как леди. Эйприл разбирало любопытство: почему мадам живет здесь, в этом публичном доме, вместо того чтобы наслаждаться яркими, остроумными беседами в каком-нибудь парижском салоне и сопровождать европейских высокопоставленных особ? Ее место там. Но мадам никогда не говорила о том, какие события перевернули ее жизнь и привели к бедственному существованию в вонючем борделе Уайтчепела.

— Avril... dis-moi. Qu'est-ce que tu as décidé?*

Хотя Эйприл родилась в Англии, но ее отец был французом и она единственная в публичном доме могла говорить с мадам Деверо на ее родном языке.

Эйприл покраснела.

— Простите, мадам. Я благодарна вам за предложение, но я не хочу работать, как другие девушки.

— Почему? — недовольным тоном осведомилась мадам.

— Я... стесняюсь.

— Застенчивость пройдет. Это первая потеря в нашей профессии.

— И я не такая красивая, как остальные девушки.

Мадам выпустила тонкую струйку дыма и улыбнулась:

— Скромность — это вторая потеря.

Эйприл заерзала на стуле. Какую еще отговорку придумать?

* Эйприл... скажи-ка мне. Что ты решила? (*фр.*)

— Я не хотела бы оскорбить вас, мадам, но... я не таким способом хочу зарабатывать на жизнь.

Мадам в изумлении уставилась на Эйприл.

— Ты предпочитаешь вонь судомойни?

— Нет, мадам. — Эйприл не могла сказать этого хозяйке, но уж лучше вонь, чем ложиться под любого мужчину, у которого найдется несколько лишних монет.

— Я полагала, что за год ползания на коленях ты передумала и согласишься на менее тяжелую работу.

Что на это ответить? Все, что угодно, лучше, чем работа судомойки. Но не это.

Мадам откинулась на спинку кресла.

— Ты необычная девушка. Совсем не похожа на тех, что приходят ко мне работать. Однако ты должна понять, Эйприл. Ты молода и хороша собой. Твое место там, где есть мужчины. Я позволила тебе работать в судомойне, надеясь, что твои девические страхи пройдут. Но дальше терпеть я не могу. Для грязной работы подойдет любая старуха, а тебя я должна поставить туда, где ты принесешь большую пользу.

Эйприл сжала руки.

— Но я могу принести пользу и по-другому: я умею читать и писать...

Мадам покачала головой:

— Эти твои умения мне здесь ни к чему. Единственная польза от тебя может быть та, с которой ты еще не рассталась. Ты ведь до сих пор девственница?

Эйприл опустила голову, чтобы скрыть краску на щеках, — в подобном заведении быть девственницей стыдно.

— Да, мадам, — ответила она.

Мадам подалась вперед, голубые глаза у нее засверкали.

— Ты представляешь, какой куш можно получить за твою девственность? Мужчины уже и забыли, что это такое — невинная девушка в постели, и они щедро

8 заплатят за подобное удовольствие. За одну ночь

ты заработаешь больше, чем любая другая за месяц. Что скажешь?

У Эйприл не хватило духу сразу отказаться, однако ее переполнял ужас от одной лишь мысли, что придется отдаться пропахшему элем немытому чудовищу. Одна ночь — и всю оставшуюся жизнь она будет носить клеймо низкопробной проститутки, станет постоянной услугой толпы торговцев рыбой, матросов и карманников. Это невысказано. Она хочет лучшего для себя. Продать единственное, что принадлежит ей, — свое достоинство... Это чересчур высокая цена за слишком малое вознаграждение.

— Мадам, я не могу...

Мадам рассердилась.

— Эйприл, подумай хорошенько. Я никогда не принуждала девушек и не собираюсь делать это сейчас. Клиенты приходят в мой дом, потому что мои девочки с готовностью их удовлетворяют. Жаль, что ты предпочитаешь ступить юность и красоту тяжелым физическим трудом, но если ты хочешь остаться и работать у меня, я должна использовать тебя так, как лучше подходит этому заведению. Ты мне нужна в спальнях. Конечно, это нелегкая работа, однако намного более выгодная, чем работа на кухне. Я даю тебе время на раздумье до пятницы. Если поступишь, как я тебе советую, то я найду для тебя щедрого человека, который будет добр и мил с тобой. Если же нет, тогда, боюсь, тебе придется поискать работу в другом месте.

Эйприл побледнела.

— Мадам, пожалуйста, не поступайте так со мной. Неужели я не могу остаться на кухне?

Хозяйка смерила ее властным взглядом.

— Там ты уже не нужна. Кухарка жалуется, что ты не справляешься с каждодневной работой.

— Это неправда! Я работаю целый день.

— Она говорит, что ты витаешь в облаках, постоянно думаешь об аристократах, про которых

читаешь в газетах, и что если бы ты уделяла столько же внимания порядку в кладовке, как светским сплетням, то из тебя вышла бы образцовая прислуга.

— Она просто придирается ко мне.

— Это правда, что ты тайком читаешь светскую хронику?

— Нет. Не понимаю, с чего она это взяла.

Мадам встала, обогнула стол и остановилась перед Эйприл. Наклонившись, она вытащила сложенную «Морнинг пост» из кармана ее фартука и помахала газетой у девушки под носом.

Эйприл охнула и покраснела еще гуще.

— Я... Это просто чтобы провести время.

— Провести время? Если у тебя хватает сил, чтобы следить за развлечениями высшего света, то это означает, что ты не слишком занята работой. Тебе повезло, что ты не живешь во Франции, Эйприл. Такой роялистке прямая дорога на гильотину. — Она удрученно покачала головой: — Ну и фантазии у тебя! Эти люди не стоят того, чтобы благоговели перед ними. Они целыми днями заняты только тем, что изображают из себя небожителей. Тебя в свой круг они никогда не примут, так что пустая трата времени упиваться их жизнью. Да в один прекрасный день ты поймешь, что эти благородные особы, которых ты боготворишь, ничего собой не представляют.

Слова мадам звучали сурово, но Эйприл хотела услышать лишь одно — что ее оставляют на прежней работе.

— Мадам, я больше не стану этого делать. Клянусь, вы никогда не услышите жалоб на меня. Могу я остаться на кухне?

Ответ прозвучал не сразу.

— К сожалению, Эйприл, обстоятельства диктуют мне сделать выбор. Если бы не крайняя необходимость, я оставила бы тебя там. Но после смерти Дейдре вот

уже три месяца невозможно свести концы с концами. Мы в долгах, а на носу зима. Не представ-

ляю, как мы доживем до следующего года. Мне нужна новая девушка, и сейчас же. Аукцион девственниц — это то, что поможет нашему заведению выжить. — Увидев ужас на лице Эйприл, мадам дотронулась до ее дрожащей руки. — Между мужчинами из Сент-Джеймского дворца и мужчинами из Баттерси-парка разницы нет. Когда дело касается постели, *ma petite**, все мужчины — ничтожества.

— Но мне не нужны никакие мужчины, — пролепетала Эйприл.

— Может, и так, — безжизненным голосом произнесла мадам, — однако без мужа либо любовника ты не выживешь.

Эйприл опустила голову. Надежды нет! Как бы ей ни хотелось выбраться из этой жизни, глупо верить в то, что когда-нибудь она станет кем-то еще, а не судомойкой.

При одной мысли об аукционе девственниц ей стало дурно. Она видела это раньше, и ее бросило в дрожь, когда она представила, как будет стоять перед десятком самых обеспеченных постояльцев заведения мадам. На ней, кроме полупрозрачной сорочки, ничего не надето. Их остекленевшие от похоти глаза поедают ее почти обнаженную фигуру, и они с жаром перебивают цену друг у друга, пока не останется последний претендент на ее тело и не возьмет ее за руку. Она проведет его наверх, в спальню, и позволит его грязным рукам ощупывать ее и дышать винным перегаром ей в лицо. Его язык будет облизывать ей шею, а его потное тело будет прижиматься к ее телу. Она позволит ему лишиться ее невинности, чистоты и свободы. И навсегда она останется заклеянной им. Ей придется слушать его хрюканье и послушно ворковать ему в ухо.

— Я не могу. — Эйприл медленно покачала головой.

Мадам снова села и положила руки на стол.

— Я предлагаю тебе лучшую жизнь, Эйприл. Жизнь, выгодную и тебе, и мне. Что-то другое не сулит нам

* моя маленькая (*фр.*).

обеим ничего хорошего. Выбор за тобой. Подумай. Через два дня я жду ответа.

— Но, мадам...

— Все на этом, — безоговорочным тоном прервала ее хозяйка. — Возвращайся к своим обязанностям. Завтра я позову тебя, чтобы унести книги. — Она погасила сигарету в блюдце и снова взяла в руки перо.

Эйприл поднялась со стула и молча вышла.

Этой ночью в своей комнатухе на чердаке Эйприл на спала.

Она в ловушке, как мотылек в кувшине.

Сколько бы Эйприл ни прокручивала в голове различные возможности выхода, никакого выхода она не видела. Аукцион девственниц... От этих слов сердце сжималось. Но если она попадет на улицу, то ей придется намного хуже. Придется искать работу и жилье. А что она будет есть? У мадам по крайней мере она обеспечена крышей над головой и едой трижды в день. Если бы у нее был человек, к которому она могла обратиться! Мать умерла, когда Эйприл была ребенком, а отец растил ее как мог. Вернее, как мог это сделать пьяница. Однако и он умер в прошлом году. Никаких других родственников у Эйприл не было, так что ее ждала нищета на лондонских улицах.

Если она перестанет работать у мадам, то это равносильно смертному приговору. Однако ее судьба никого не волнует.

Эйприл посмотрела на свое отражение в треснутом зеркале, которое она подобрала в мусорном ведре. Юная и красивая. Так сказала о ней мадам. Хотя ее лицо нельзя назвать красивым. Длинные каштановые, с рыжеватым оттенком, волосы немного вьются, кожа загорела от работы во дворе, рост невысокий из-за недостатка питания...

На ресницах заблестели слезы, и губы Эйприл дрогнули от отчаяния и злости на собственное бессилие.

Она вспомнила о дамах, которых видела по воскресеньям в Гайд-парке. Они выглядели такими изящными и блистательными в элегантных платьях греческого покроя и длинных белых перчатках. У них нет подобных жизненных сложностей. Их праздные дни заполнены утренними прогулками верхом или в карете, послеполуденными чаепитиями и вечерними раутами. Они беззаботны, как бабочки в саду. Как же ей хотелось стать одной из них!

Она ничто.

Эйприл тяжело вздохнула. Почему к одним судьба благосклонна, а к другим — нет? Она простолюдинка, никто.

Эйприл разбирала злость и ярость от того, что волею случая она родилась вот такой и ничего собой не представляла. Если ее не ждет ничего хорошего, то зачем она вообще родилась?

Несмотря на то что на следующий день она получила передышку от работы посудомойкой, время тянулось бесконечно. Ультиматум, поставленный мадам, не выходил у Эйприл из головы. И даже привычные мечты о светской жизни ее не посещали. Подметание полов не стало менуэтом, сгоревшие свечи не превратились в цветы в вазах, а ночные горшки — в чайный сервиз.

Завтра. Завтра мадам потребует от нее ответа.

Эйприл смогла приняться за уборку кабинета мадам лишь около восьми часов вечера. При виде множества книг на полу Эйприл застонала. И все это ей предстоит сложить в ящики! Она устала, была голодна, и ей не терпелось снять с себя грязную одежду. Она положила стопку книг на диван и стала складывать их в пустой сундук, который притащила с собой. В другое время она позволила бы себе хотя бы пробежать глазами по обложкам и прочитать названия. Но сегодня настроения не было.

Когда наконец она захлопнула крышку сундука, спина разламывалась, словно в нее всадили

шпагу. Уютный диван приглашал отдохнуть, и Эйприл осмелилась присесть. Почувствовав, что села на что-то квадратное и твердое, она поспешно вскочила.

Оказалось, это книга. Красный кожаный переплет был неразличим на такой же обивке дивана, поэтому она сразу ее не заметила. На обложке не было заглавия. Эйприл взяла книгу в руки, и что-то выскользнуло на пол. Она поднесла вещь к подсвечнику и увидела, что это лоскут тонкого кремового шелка. Эйприл осторожно развернула лоскуток, стараясь не запачкать его грязной рукой. То, что она увидела, ее удивило.

Это был контур ладони. Ладонки ребенка. Синие чернила выцвели. Эйприл зачем-то поднесла лоскуток к носу и понюхала. Помимо затхлого запаха книжных страниц, все еще чувствовался еле уловимый запах фиалковой воды. Эйприл посмотрела на раскрытую книгу. Вместо заглавия теми же синими чернилами было написано: «Дневник Вивьенн Бонифас Деверо.

А ниже крупным отчетливым почерком — «Privé»*.

Эйприл с опаской бросила взгляд на закрытую дверь, через которую снизу доносились звуки музыки — это играли на пианино, — а также громкий смех и пение мужчин и девушек. Эйприл колебалась: то ли перевернуть страницу и почитать, то ли положить книгу и продолжить работу, пока не вернулась мадам и не поймала ее. Кровь стучала в ушах. Эйприл покраснела и перевернула страницу.

Почерк был твердый и изящный — писала по-французски образованная женщина.

«17 августа 1790 года.

Чтобы отпраздновать сегодня мой день рождения, герцог Сомерсет подарил мне этот дневник и позолоченное перо. Он очень щедр со мной, и соответственно этим вечером я подарю ему что-нибудь столь же экстраординарное».

У Эйприл глаза полезли на лоб. Ясно, что герцог Сомерсет, подаривший юной Вивьенн этот дневник и золотое перо, был не менее щедро вознагражден вечером!

Эйприл стало стыдно. Плохо заглядывать в личный дневник, особенно в такой... интимный. Каким, судя по первой записи, является этот. Мадам была очень известной куртизанкой в свое время и знала не одного знаменитого джентльмена. Но герцог Сомерсет... Эйприл много о нем читала. Она знала, что он весьма уважаемый человек и близкий друг архиепископа Кентерберийского. Неужели он пользовался услугами куртизанки? Вот ужас! Эйприл разбирало любопытство узнать, кто еще упоминался в этом дневнике. Подавив муки совести, она спрятала тетрадь в карман фартука.

Ночью Эйприл скрылась в своей крошечной комнатке на чердаке, зажгла припасенную длинную свечу, вытащила дневник, устроилась поудобнее на кровати и начала читать.

Дрожащий огонек свечи шипел и трещал и мог в любой момент погаснуть. Эйприл потеряла уставшие от чтения глаза.

Это был не обычный дневник. Это было досье клиентов.

Мадам записывала каждое свидание, каждую связь, каждую встречу с мужчиной, платившим за ее услуги. Она скрупулезно вносила в дневник все, что касалось их любовных свиданий: что они ели, куда ходили, с кем встречались, что делали. И так страница за страницей... В мельчайших подробностях описывалось, какие любовные ласки нравились ее очередному клиенту, что она делала, чтобы возбудить его, сколько он за это платил. Некоторые любили, когда их стегали плеткой, другие сами предпочитали это делать. Один изображал разо-